

УДК 81'373.424

Ю. Ю. Саплин

Классический частный университет (г. Запорожье)

РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ В ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА РУССКИХ СТИЛЯГ)

Розглядаються інноваційні процеси у лексиці російської мови ХХ ст. в аспекті соціокультурної динаміки суспільства.

Рассматриваются инновационные процессы в лексике русского языка ХХ в. в аспекте социокультурной динамики общества.

Innovative processes in the vocabulary of Russian of ХХ st. are examined in the aspect of sociocultural dynamics of society.

Постановка проблеми в общем виде. Понимание того, что социокультурная жизнь подвижна, сегодня стало массовым. Динамика языка как элемента социокультурной жизни в настоящее время стала предметом не только философской и культурологической рефлексии, но и научно-лингвистического анализа. В русистике это связано, в частности, с тем, что бурные социально-политические процессы последнего десятилетия ХХ века коррелируют с активизацией социальной парадигмы в языкознании. Если лингвистика середины ХХ века, по преимуществу, отражала сосюринскую линию изучения языка как «самодовлеющей сущности», изолированной от носителя языка, то теперь все чаще высказывается мысль об антропоцентрическом устройстве языка (см., например: [5; 7; 11 и др.), о его «субъективности» [1, с. 293], о том, что «язык создан по мерке человека» [9, с. 15], ставшего «главным действующим лицом в... языке» [4, с. 108], а значит, «в соответствии с человеческим фактором и должен изучаться» [3, с. 5]. Тем не менее лингвокультурная и социолингвистическая история русского языка ХХ века пока еще остается лишь одной из задач лингвистической науки. Симптоматично, что популярные вузовские учебники по истории русского литературного языка склонны рассматривать русский язык ХХ века (за исключением рубежа ХХ и ХХІ вв.) как единый социокультурный поток.

Исходные предпосылки. Тем не менее выделение Л. П. Крысиным жаргонизации русского литературного языка как одного из направлений современных инновационных процессов [6], попытки применить к жаргонным и просторечию лингвокультурную методологию [14] дают возможность сделать вывод о необходимости и возможности рассмотрения инновационного потенциала социальных субъязыков в социокультурном аспекте.

Целью данной статьи является определение характера реализации в языке инновационного потенциала такой социально-культурной группы, как русские стилиги 1950–1960-х гг.

Изложение материала исследования. «Стилиги» как социокультурное явление и концепт русского языкового сознания в последнее время привлекают повышенное внимание. Как это часто бывает в истории русской лингвокультуры, не

обошлось здесь без влияния «изящной словесности», в частности, литературных опытов Виктора Славкина, Алексея Козлова и Василия Аксенова, чьи художественные произведения и мемуары обильно цитируются в прессе, а сами они часто выступают по радио и телевидению – стиляга стал излюбленным персонажем советской послевоенной истории и даже своего рода фольклорным героем [12]. Стараниями бывших стиляг и их поклонников «стиль» наделал шуму и в мире поп-музыки; в конце 1980-х, в пик популярности таких ретро-рок-н-рольных команд, как «Браво» и «Бригада С», на советских улицах вновь на какое-то время появились брюки-дудочки, просторные пиджаки и причёска «кок»: юные фанаты этих групп подхватили знамя «стиля» и присвоили его.

«Стилягами» считаются представители советской молодёжной субкультуры второй половины 1940-х – начала 1960-х гг., имевшей в качестве эталона западный (преимущественно, американский) образ жизни. В этой связи характерным является пример редеривации – *чувак* – ‘человек уважающий высокую американскую культуру’. Стиляг отличала нарочитая аполитичность, определённый цинизм в суждениях, отрицательное (или безразличное) отношение к некоторым нормам советской морали. Стиляг выделяла из толпы яркая, часто нелепая, одежда, определённая манера разговора (особый сленг). Поэтому с позиций сегодняшнего дня они явились носителями альтернативного дискурса. Исторически «стиляг» связывают со второй волной развития молодежного жаргона [8]. В этой связи характерным является городской анекдот наших дней – *Все «диссиденты, досиденты, отсиденты, сиденты, пересиденты, ожиданты, послесиденты, вновьсиденты» стали «демшизой»: блейзеры от Кардена, евангелие от Гайдара: «Шестидесятники родили семидесяхнутых, семидесяхнутые родили восьмидедастов, восьмидедасты родили девинистов...»*. Стилягам был присущ повышенный интерес к западной музыке и танцам. Субкультура стиляг явилась своеобразным стихийным протестом против навязываемых стереотипов поведения, а также против единообразия в одежде, в музыке и в стиле жизни. Одежда и сам образ жизни стиляг не были слепо скопированы с американского образца. В первые годы существования данного феномена, облик стиляги был, скорее, карикатурен: широкие яркие штаны, мешковатый пиджак, шляпа с широкими полями, немыслимых расцветок носки, пресловутый галстук *«пожар в джунглях»*. Впоследствии внешний вид стиляги претерпел значительные изменения: появились знаменитые брюки-дудочки, взбитый *«кок»* на голове, элегантный пиджак с широкими плечами, узкий галстук – *«селёdochка»*, завязывающийся на микроскопический узел, зонтик-тросточка. В субкультуре стиляг реализовалось традиционное для русских противопоставление социально маркированных типов одежды: «Откуда берется жаргон? Из тех мест человеческой жизни, где отторженность, камерность, маргинальность. И только когда они сознательно культивируются. Чего лукавить: и слово, и дело хиппизма пришли к нам из-за кордона. Тут их встретили традиционным "Штанов нет", и наша хипня мгновенно обрядилась в джинсы. Я помню – стоило мне только выйти в 72-м в "рэнглерах" на московский стрит, как меня мгновенно расстреляли в спину "хиппом". Лишнее свидетельство тому, что обыватель у нас грамотный и по одежке всегда встретит в цель» [10, с. 4]. Актуальными у стиляг считались свитера «с оленями», в подражание героям фильмов «Серенада Солнечной Долины» и «Девушка моей мечты». В качестве обуви в среде стиляг приветствовались полуботинки на толстой белой каучуковой подошве (так называемая «манная каша»). Летом пользовались популярностью яркие рубашки в «гавайском стиле» (*гавайки*). Для девушки, чтобы прослыть стильгай, было достаточно ярко краситься и носить причёску *венчик мира* (вокруг головы завивали волосы и укладывали в форме венца). В среде стиляг были популярны своеобразные предме-

ты роскоши – трофейные зажигалки и портсигары, американские игральные карты с полуобнажёнными девушками (стиль *Pin-up*), редкие в то время авторучки. В 60-х годах стилиги отчасти переняли рок-н-рольный (*рокабилльный*) образ.

Отметим, что социальное ядро российских стилиг («золотая молодежь») не совпадало с аналогичными модно-стилевыми движениями в Британии и США 1950-1960-х гг, где основную массу сторонников составляли представители «среднего» класса и те, кто по социальному статусу находился чуть ниже этого «среднего» уровня. Так, тедди-бои (англ. *Teddy Boys*) – молодёжная субкультура, существовавшая 1950-е гг. в Великобритании и несколько раз переживавшая возрождение в 70-е и 90-е гг. Термин «тедди-бои» появился в 1953 году в качестве обозначения молодых людей из рабочего класса, стремившихся подражать высшим классам и одевавшихся по моде эпохи Эдуарда VII (отсюда – «Тедди»). Типичный облик тедди-боя включал «брюки-дудочки», сюртук с двойным воротником, галстук-бантик в стиле вестернов. Тедди-бои отличались агрессивным поведением, многие из них входили в местные хулиганские группировки. Из музыки первоначально предпочтения отдавались американскому блюзу и кантри, позже рок-н-роллу и скиффлу, который вообрал в себя стиль тедди-боев. К началу 60-х гг. субкультура тедди-боев стала исчезать, на замену им пришли моды. Однако в середине 70-х гг. в Великобритании субкультура тедди-боев возродилась: появились музыкальные коллективы, которые играли рокабилли, а в Лондоне существовал знаменитый магазин «Too Fast To Live, Too Young To Die», принадлежащий Вивьен Вествуд и Малькольму Макларену. Это было последним возрождением стиля, несмотря на попытки его культивировать в начале 90-х гг. среди почитателей брит-попа. Моды (англ. *Mods* от *Modernism, Modism*) – британская молодёжная субкультура, сформировавшаяся в конце 1950-х гг. в среде лондонской мелкой буржуазии и достигшая пика в середине 1960-х гг. Моды пришли на смену тедди-боям, и позже из среды самых радикальных модов сформировалась субкультура скинхедов. Отличительной чертой модов было их особое внимание к внешнему виду (первоначально были популярны приталенные итальянские костюмы, затем британские бренды), любовь к музыке (от джаза до рок-н-ролла и ска).

Подобно любому социальному диалекту стилижий сленг развивался в современном обществе на грамматической и фонетической базе общенационального языка и представляет собой в первую очередь лексикон, то есть определенный перечень специфических слов и выражений, которые «сигнализируют групповую возрастную солидарность, в особенности по отношению к группам взрослых носителей языка, интеграцию языковых групп, объединяемых ироническим, критическим, оппозиционным отношением к некоторым ценностям мира старших, юношеским изоляционизмом и выдвиганием своих ценностных критериев» [9, с. 94]. Современный общий жаргон (сленг) пополнили такие единицы, как *чувак* – проверенный молодой человек, которого приглашали на «процесс» (узкую вечеринку) в «хату»; *чувиха* (*чува*) – девушка; *музы* – ботинки стилига на высокой подошве (обычно их можно было приобрести исключительно у фарцовщиков; советский аналог «*музов*» – так называемая «*манная каша*» – на советские ботинки наклеивался по форме толстый кусок пластмассы); *хата* – свободная квартира, предназначенная для проведения вечеринки; *процесс* – узкая вечеринка (для избранных), сексуальный контакт; *фазер* – отец стилига. Для обеспечения успешной коммуникации в условиях лингвокультурной динамики говорящий эксплицитно оценивает происходящие изменения. Языковая личность в речемыслительной деятельности, направленной на «ословливание» мира, реагирует, распознает и фиксирует вербально те продуктивные характеристики слова, которые актуальны для адекватного обозначения замысла говорящего, его речевой деятельности. Кроме того, жаргон отражает существующие социальные и лин-

гвокультурные интенции и ценности соответствующей среды – отсюда в жаргоне стиляг три отчетливые номинативные «струи» – музыкантская (рокабилльные лабухи), западная (заграничные вещи или вещи «под заграницу»), игровая (протестная, выворачивающая наизнанку привычные советские ценности).

В первую очередь, жаргон стиляг повлиял на т. н. «студенческий жаргон», по существу лишь расширив социальную базу соответствующих лексем (от стиляг-студентов до студентов вообще). Это относится к таким единицам, как *берлять* 'есть, питаться', *хилить* 'идти', *выхил* 'выходка', *башли*, *бабки*, *шайбочки*, *финаги* 'деньги', *чувак* 'парень', *чува*, *чувиха*, *кадришка* 'девушка', *топталовка* или *Бродвей* 'главная улица', 'место встреч и прогулок', *кирять* 'пить, выпивать', *кирной*, *бухой* 'пьяный', *керосин*, *мур*, *гон* 'вечеринка, выпивка', *предки* 'родители', *хива*, *шобла*, *кодла*, *хевра*, *хавира*, *шарага* 'группа «своих»', *хата* 'квартира', *рок* 'рок-н-ролл' и т. д. Обращает на себя внимание также экспрессивная и оценочная лексика, например: *шедеврально*, *колоссально* и т. п. (при положительной оценке чего-либо), *совхоз*, *колхоз* (пренебрежительно о человеке), *леди*, *детка*, *мадам* (положительно о девушке).

Выводы, перспективы. Ввиду своеобразного статуса «стиляг» в их жаргоне нетрудно увидеть прообраз тенденций развития современной лексической системы русского языка – жаргонизации и вестернизации. Кроме того, именно в жаргоне стиляг следует искать истоки современного «гламурного» дискурса. Разумеется, что представленные соображения не исчерпывают заявленной темы, поскольку предмет анализа находится на стыке социолингвистики, лингвокультурологии, когнитивизма и неологии, в частности, диахронической и когнитивной социолингвистики, ретроспективной неологии.

Задачи, поставленные когнитивной наукой, направлены на постижение сущности феномена человечности, и поскольку, с одной стороны, когнитивная способность человека наиболее ярко и полно проявляется в языке, а, с другой – процесс научного познания имеет семиотическую природу, центральное место в когнитивной науке по праву занимает когнитивная лингвистика. Когнитивная лингвистика – это современное направление, для которого характерны определенные познавательные установки, существенно отличающиеся от рационалистической традиции в изучении естественного языка. Разные варианты одного языка и подязыки разных языков могут сравниваться как модули когнитивной системы говорящих, как способы представления внеязыковой действительности.

Когнитивно-социолингвистический подход, помимо разграничения языкового концепта и самой денотативной ситуации, предполагает учет влияния когнитивных принципов как на значение слова, так и на обработку денотативной ситуации, предшествующей выбору языкового знака в определенной социальной сфере и коммуникативной ситуации. В фокусе внимания должны прежде всего оказаться процессы формирования языковых значений и процессы, связанные с их реализацией в речи, а не собственно описание готовых семантических концептов.

Процессуальность описания создает возможность совмещения социально-когнитивного анализа с диахроническим. Любые языковые изменения могут рассматриваться как диахроническая трансформация информационного кода. Диахроническая социолингвистика призвана построить процессуально ориентированную модель развития языка как системы его социальных вариантов (социолектов, жаргонов, подязыков и др.).

Появление ретроспективной неологии связывают «с парадоксом непрерывности появления новых слов в русском языке и относительно поздним становлением неологии и неографии», неизбежным «вопросом – как восполнить хотя бы ту «нео-

графическую лакуну», с которой соприкасается по времени история неологии и неографии? Как изучать и, главное, как выявлять лексические новации 50-х, 40-х, 30-х годов XX века, в особенности если речь идет не о пополнении словарного запаса русского языка, а о «короткоживущих» неологизмах» [2].

Ретроспективная неология, как и диахроническая социолингвистика, помимо актуализации процессуально-динамического подхода, предполагает также возможность анализа в направлении от следствия к причине. Предлагаемый подход способствует преодолению фрагментации знания, которая в настоящее время имеет явно негативные последствия для развития гуманитарной науки в целом и лингвистики как ее части. Такая работа открывает новые аспекты в социолингвистических и неологических исследованиях, способствующие выявлению неологической динамики развития языка как единого лингвокультурного процесса, выявлению «механизма языковой эволюции», характерного для русского языка.

Библиографические ссылки

1. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
2. **Бурыкин А. А.** «Ретроспективная неология»: к изучению отражения языковых новаций в двуязычных словарях 1920-х – 1950-х годов / А. А. Бурыкин // Русская академическая нео-графия (к 40-летию научного направления) / Материалы Междунар. конф. / РАН; Ин-т лингвистических исследований. – Спб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2006. – С. 15–18.
3. **Вепрева И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
4. **Золотова Г. А.** Грамматика как наука о человеке / Г. А. Золотова // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 107–113.
5. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
6. **Крысин Л. П.** Русский литературный язык на рубеже веков / Л. П. Крысин // Русская речь. – 2000. – № 1. – С. 28–40.
7. **Крысин Л. П.** Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1989. – 186 с.
8. **Матюшенко Е. Е.** Современный молодежный сленг : формирование и функционирование : автореф. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. Е. Матюшенко. – Волгоград – 2007. – 19 с.
9. **Миловская Н. Д.** О некоторых тенденциях развития молодежного сленга (на материале современного немецкого языка) / Н. Д. Миловская // Вестник Ивановского гос. ун-та. – Серия «Филология». – 2001. – Вып. 1. – С. 93–99.
10. **Рожанский Ф. И.** Сленг хиппи : материалы к словарю / Ф. И. Рожанский. – СПб.–Париж : Изд-во Европ. Дома, 1992. – 63 с.
11. **Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира** / [Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.]. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
12. **Рот-Ай К.** Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» / К. Рот-Ай // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 4 (36). – С. 26–33.
13. **Степанов Ю. С.** Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований [Вступ. ст.] / Ю. С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 9–16.
14. **Шаклеин В. М.** Лингвокультурологический аспект социального диалекта / В. М. Шаклеин // Уч. зап. Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. – Серия «Филология. Социальная коммуникация». – Том 21 (60). – Симферополь, 2008. – № 1. – С. 165–170.

Надійшла до редколегії 29.05.09